

Советский технократизм в 1917—1930-е годы

© Б.Н. Земцов

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

Рассмотрено отношение большевиков и партийно-государственного руководства 1920–1930-х гг. к техническим наукам и ее представителям, причины утверждения в партийно-государственной среде технократического подхода к экономике. Представляется, что наиболее важное значение имел комплекс объективных и субъективных причин как внутреннего, так и внешнеполитического характера.

Ключевые слова: *технократизм, ученые и власть, индустриализация, политические элиты.*

В целом проблеме технократизма уделено достаточно внимания. В академической периодике регулярно появляются статьи, посвященные анализу понятий «технократизм», «технократия», предпосылкам возникновения технократического мышления, специфике этого вида мышления [1–4]. Но они написаны в основном философами, культурологами, политологами. Исторических работ мало. Между тем, у представителей каждой науки существует свой аспект проблемы, и малое число исторических публикаций обедняет анализ в целом.

В основном историки касаются проблем технократизма при исследовании взаимоотношения власти и представителей технических наук и изучении экономической политики. Суммируя выводы этих исследований, можно предложить следующую гипотезу формирования технократической политики партийно-государственного руководства в 1917–1930-е гг.

Отношение власти к наукам. Накануне Октябрьской революции 1917 г. в стране насчитывалось порядка 300 научных учреждений различного типа. Россия была вторым по величине после Германии научным центром мира [5]. Ученые вполне доброжелательно встретили Февральскую революцию и крушение монархии, но их реакция на приход к власти большевиков оказалась отрицательной [6, с. 125].

Однако некоторые ученые довольно быстро вступили на путь профессионального сотрудничества с большевиками. Их позиция оказалась вполне логичной и не имела к политике никакого отношения. Во-первых, дореволюционная интеллигенция традиционно питала симпатии к обездоленным слоям населения, а переход власти в октябре 1917 г. в руки большевиков открывал для рабочих и крестьян новые, вполне реальные возможности. Во-вторых, ученые и инже-

неры были искренне уверены в том, что развитие науки позволит преодолеть свалившиеся на страну беды. Они считали, что их научная и педагогическая деятельность – долг перед народом.

Ученые и большевистские руководители в большинстве случаев имели разные политические взгляды, но в оценке естественных и технических наук они были едины, что стало основой их взаимоотношений.

В январе 1918 г. начались переговоры представителей Академии наук и Наркомпроса относительно совместной работы, и уже в апреле 1918 г. было принято постановление СНК «О привлечении Академии наук к решению народнохозяйственных задач».

В условиях гражданской войны финансирование было слабым, материальная база для научных исследований, оборудование и лаборатории стремительно устаревали. Однако новая власть делала все, что могла: в 1918 г. доля расходов на науку составила около 3 % государственного бюджета.

Однако помочь ученым как гражданам новая власть не могла. Ученые оказались в таком же бедственном положении, как и миллионы граждан страны. Одни из них умерли от истощения, другие стали жертвами красного террора. Спасаясь от смерти, многие ученые и инженеры эмигрировали.

В записке руководителей Академии наук в СНК РСФСР от 22 ноября 1920 г., подписанной выдающимися учеными, говорилось, что если положение не будет исправлено, то «одни из русских ученых погибнут в России жертвою ненормальных условий», а другие «последуют примеру сотен своих товарищей, работающих плодотворно и теперь на мировую науку за пределами России». Во многом благодаря этой записке уже в ноябре 1921 г. была создана «Центральная комиссия по улучшению быта ученых». В течение нескольких последующих лет был принят ряд постановлений: «О создании благоприятных условий для работы академику Павлову», «Об улучшении быта ученых», «О мерах к улучшению жилищных условий научных работников».

Партийно-государственное руководство страны большое внимание уделяло развитию высшей технической школы. Так, в июне 1921 г. в Москве была проведена Всероссийская конференция по проблемам развития высшей школы. По материалам конференции СНК РСФСР принял постановление «О мерах к поднятию научно-технического знания в стране и улучшению уровня жизни инженерно-технических работников РСФСР». В августе 1921 г. советское правительство приняло постановление о содействии научным обществам в деле разработки и широкого освещения технических и хозяйственно-организационных вопросов, в проведении съездов и совещаний, изда-

нии соответствующих печатных органов. С этого момента средства на развитие науки стали ежегодно увеличиваться более чем на 30 %.

При крайней скудости материальных ресурсов в 1920-х гг. наблюдался организационный бум в создании вузов и научных учреждений. Новые научные учреждения возникали беспрецедентно быстро и в рамках Комиссии по естественным производительным силам в составе Академии наук, при наркоматах и ведомствах.

В 1921 г. началось восстановление международных научных контактов. Первым официальным выступлением ученых советской России за границей был доклад Н.И. Вавилова и А.А. Ячевского на международном конгрессе по борьбе с болезнями хлебных злаков в 1921 г. в США. Развертывались совместные научные исследования. Отечественные ученые участвовали в международных конференциях, заграничных научных экспедициях. На торжества по случаю 200-летнего юбилея Российской академии наук приехали более 130 ученых из 25 стран. Все это позволяло отечественным ученым быть в курсе новейших достижений и тенденций мировой науки.

В середине 1920-х гг. началась смена поколений в научном обществе. Появление молодежи, охваченной идеями преобразования мира, поддержка науки властью и творческая свобода породили, по словам В.И. Вернадского, «взрыв научного творчества». Выдвигалось много новых идей и концепций, легко пересекались дисциплинарные границы. Научную молодежь вдохновляли свежий ветер революции, пафос свободы творчества, неограниченный выбор путей построения всего нового.

Совместная работа ученых и партийно-государственного руководства принесла в 1920-е гг. весомые плоды в области как фундаментальной науки, так и прикладных разработок.

Со второй половины 1920-х гг. курс на техническую модернизацию народного хозяйства вызвал радикальную переориентацию науки. Направления, объемы и интенсивность научной работы стали определяться потребностями, масштабами и темпами развернувшегося социалистического строительства. Наука становилась частью общего плана развития народного хозяйства и сама строилась на плановой основе.

Наряду с этим партийно-государственное руководство создавало максимально благоприятные условия для развития науки и высшей технической школы.

В качестве первостепенной задачи называлось «разрешение проблем равномерного распределения в стране промышленности и наиболее рациональное использование ее хозяйственных сил».

Приоритетное развитие направлений, которые могли дать быстрый экономический результат, стало первой особенностью развития

науки после прихода большевиков к власти. Вторая особенность — ликвидация каких-либо возможностей для развития.

Наука полностью перешла на государственное финансирование, которое по своим объемам превосходило дореволюционные государственные расходы на науку и высшее образование и траты меценатов вместе взятые. Причем, обеспечивая институты и вузы материальными средствами, государство до начала 1930-х гг. не вторгалось в «творческую мастерскую» ученых. Издавались научные, научно-популярные журналы: «Научный работник», «Социалистическая реконструкция и наука», «Фронт науки и техники» и др.

В 1931 г. были образованы новые инженерно-технические общества, которые активно участвовали в разработке и осуществлении планов социалистического строительства, решении актуальных проблем энергетики, металлургии, химии, машиностроения, организовывали комитеты содействия крупнейшим стройкам, проводили научно-технические конкурсы, смотры внедрения новой техники в производство.

В 1929 г. в ВСНХ СССР по поручению правительства был разработан первый сводный пятилетний план научных исследований. С начала 1930 г. вопросам планирования научных исследований стало уделяться еще большее внимание. Для осуществления организационных, методологических и координационных функций по планированию в апреле 1930 г. при Президиуме АН была образована Планово-организационная комиссия во главе с вице-президентом, академиком Н.Я. Марром. Для связи с государственными плановыми органами в комиссию были введены представители Госплана СССР, Госплана РСФСР, ВСНХ. Потребность в планировании научной работы носила во многом объективный характер и обуславливалась возрастанием роли науки в общественном прогрессе, необходимостью рационального использования увеличивавшихся государственных ассигнований на развитие науки, координации исследований, прогнозирования возможных результатов их практического применения.

В те годы постоянно появлялись масштабные исследовательские программы, быстрыми темпами росло количество новых научных учреждений. В 1934 г. С.И. Вавилов основал Физический институт АН им. П.Н. Лебедева. Были созданы Институт органической химии, Институт физических проблем, Институт геофизики, Центральный аэрогидродинамический институт и др.). Множество научных учреждений возникло на периферии: филиалы Академии наук в закавказских республиках, на Урале, Дальнем Востоке, в Казахстане. Во второй половине 1930-х гг. в стране работали свыше 850 НИИ и их филиалов. Результатом этой работы стали многочисленные открытия как в фундаментальных, так и в прикладных областях. В историю мировой науки вписали свои имена физики А.Ф. Иоффе, Д.В. Скобельцын, С.И. Вави-

лов, И.Е. Тамм, П.Л. Капица, математики и механики — теоретики С.Н. Бернштейн, И.М. Виноградов, С.Л. Соболев и др.

К середине 1930-х гг. наука обрела то положение, которое сохранялось до середины 1980-х гг. Оно заключалось в следующем: зависимость от государства; экстенсивная и низкоэффективная воспроизводственная модель научного потенциала; приоритетное развитие оборонных исследований и разработок.

Партийно-государственное руководство наукой стало переходить разумные пределы. Прежде всего, сузилось поле для научного творчества. От науки стали требовать немедленной практической отдачи, а это нарушило естественный баланс между фундаментальной и прикладной наукой в пользу последней. Форсированное увеличение численности научных работников, идеологически-организационные чистки, занижение профессиональных и применение политических критериев отбора исключали здоровую конкуренцию в науке и имели следствием снижение уровня квалификации научных кадров. Резко сузились зарубежные контакты. Жесткое планирование, бюрократизация управления, изоляция от мирового научного сообщества — все это сковывало научное творчество, тормозило и деформировало общий научный прогресс.

При этом советские ученые продолжали добиваться значительных успехов во всех направлениях.

Положение ученых в советской политической системе. Партийно-государственное руководство страны благоволило исключительно к представителям технических и естественных наук. Но по отношению к гуманитарным наукам позиция большевиков была однозначно отрицательной: буржуазно-гуманитарная наука должна быть уничтожена, а на ее месте предстоит создать принципиально новую гуманитарную науку. Для решения этой задачи уже в 1918 г. они создали Социалистическую академию общественных наук. По окончании гражданской войны борьба с интеллигенцией на год-два отошла на задний план. В результате на короткое время установилась духовная свобода. Например, до 1922 г. в Москве в доме Н.А. Бердяева еженедельно проводились философские диспуты, действовала и Вольная академия духовной культуры. Но слабые политические позиции большевиков требовали подавления всех идеологических противников. Поэтому под удар попали потенциальные оппоненты большевиков — интеллигенция. В 1922 г. из большевистской России были высланы 160 наиболее видных философов, историков, экономистов, социологов. Но среди них оказалась также группа математиков во главе с деканом математического факультета Московского университета профессором Стратоновым [7]. Много ученых было выслано за пределы страны местными партийными органами. Однако, узнав, что многие из них за рубежом нашли радушный прием, партийно-

государственное руководство сменило тактику. Так, Политбюро КП(б) Украины в январе 1923 г. от высылки ученых за границу перешло к ссылке в отдаленные губернии УССР и РСФСР [8]. И это при том, что, по данным того же ОГПУ, «настроение профессуры чисто деловое, есть неуклонное стремление вести занятия нормальным темпом, и чего-либо антисоветского невозможно отметить...» [9].

Отношение советского партийно-государственного руководства к естественным и техническим наукам никогда не менялось. Однако в конце 1920-х гг. многие инженеры и ученые стали жертвами политических репрессий.

Первый удар по технической интеллигенции был нанесен в 1928 г.

В 1927 — начале 1928 гг. на шахтах Донбасса произошел ряд крупных аварий и взрывов. Поначалу партийные и советские органы шахтерского региона пришли к выводу, что речь идет об обычных технических нарушениях и халатности отдельных специалистов. Но в Донбасс была направлена представительная комиссия в составе В.М. Молотова, Л.М. Кагановича, М.О. Томского и Е.М. Ярославского, которая увидела в этом контрреволюционную линию. «Шахтинскому делу» было придано государственное значение. Оно специально рассматривалось на пленуме ЦК ВКП(б) в апреле 1928 г. Пресса сообщила о разоблачении «крупной вредительской организации» в Шахтинском районе Донбасса. В результате на скамье подсудимых по проходившему с 18 мая по 5 июля 1928 г. «Шахтинскому делу» оказались 53 человека (в том числе и несколько граждан Германии), работавших на угледобывающих предприятиях. Большинство из них представляло старую техническую интеллигенцию. Следственные органы ОГПУ действовали в соответствии с данными им указаниями. Они «установили» связь вредителей в угольной промышленности с их «пособниками» в ВСНХ и Госплане. Обвинительный приговор был предрешен. Специальное присутствие Верховного Суда Союза ССР под председательством А.Я. Вышинского приговорило 11 человек к высшей мере наказания, остальные подсудимые получили различные сроки лишения свободы. Только несколько человек, включая германских граждан, были помилованы. Шестерым осужденным Президиум ЦИК СССР заменил расстрел 10 годами тюрьмы со строгой изоляцией, с последующим поражением в правах на 5 лет и конфискацией всего имущества. Однако 5 человек были расстреляны.

Юридическая оценка этому делу была дана Генеральной прокуратурой РФ 27 декабря 2000 г. В ее заключении указывалось, что в имеющихся материалах дела не оказалось доказательств обвинения в инкриминируемых подсудимым преступлениях [10]. Но исторический анализ шире юридических оценок.

Отношение партийно-государственного руководства к технической интеллигенции действительно не изменилось. Тем не менее,

судьба жертв «Шахтинского дела» оказалась predetermined рядом обстоятельств.

Во-первых, в 1926–1927 гг. в руководстве ВКП(б) заговорили о необходимости ускоренного развития промышленности. Между тем, большая часть рабочей силы шла из деревни. Из-за низкой квалификации основной массы рабочих, отсутствия у ряда руководителей технического образования и других причин планы не всегда удавалось выполнить. Признать ошибочность своих действий партийно-государственное руководство не могло. Во-вторых, объективности анализа препятствовал механизм принятия решений и их исполнения. Так, Политбюро ЦК ВКП(б) признало виновность арестованных инженеров и техников угольных шахт еще до окончания следствия [11]. Именно Политбюро придало ординарному и региональному следственному делу масштаб политической диверсии. Ну и, в-третьих, к концу 1920-х гг. в следственных органах НКВД сложился механизм общения с подозреваемыми. Все это в совокупности обернулось жизненной катастрофой для арестованных по «Шахтинскому делу» и вызвало дальнейшие трагедии. Уже через год началось раскручивание нового политического процесса.

Осенью 1929 г. на Западе разразился тяжелейший экономический кризис. Казалось, что крах капиталистической системы близок. Это подталкивало И.В. Сталина и его единомышленников к попытке в короткий исторический срок завершить социалистические преобразования. К этому времени в СССР было воспитано первое поколение советских инженеров, готовых заменить специалистов, получивших образование до Октябрьской революции. Старые специалисты могли стать помехой при осуществлении грандиозных замыслов советского партийного и государственного руководства, поскольку форсированные темпы промышленного развития страны в годы первых пятилеток не были научно обоснованы. Неудивительно, что первые сталинские политические процессы были направлены против старой технической интеллигенции.

Исходя из официальных установок, была развернута кампания, направленная на поиск «вредителей». ОГПУ опять «раскрыло» «мощную вредительскую организацию» — «Инженерный центр» или «Промышленную партию». Процесс «Промпартии» проходил с 25 ноября по 7 декабря 1930 г. Перед судом предстали 8 человек. Пятеро из подсудимых были приговорены к расстрелу. Однако Президиум ЦИК СССР заменил эту меру наказания на 10 лет лишения свободы и 5 лет поражения в правах.

Обвиняемые на публичных процессах 1928–1931 гг. представляли собой только верхушку внушительной пирамиды из многих сотен арестованных в те годы по «вредительским» делам. Только в 1931 г.

во внесудебном порядке на Особом совещании ОГПУ и его коллегии были рассмотрены дела в отношении почти 2,5 тыс. человек: профессоров, инженеров, экономистов, агрономов и служащих.

Кампания по борьбе с «вредительством» захлестнула и военную промышленность СССР. 25 февраля 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О ходе ликвидации вредительства на предприятиях военной промышленности». В результате в течение нескольких лет количество инженеров и техников в оборонном производстве сократилось до 6,2 тыс. человек при потребности более 10 тыс. инженеров и 16,5 тыс. техников.

В конце 1930-х гг. репрессивный политический режим опять коснулся представителей технических наук. Многие выдающиеся ученые и инженеры — А.Н. Туполев, С.П. Королев, В.П. Глушко, В.М. Петляков и другие — оказались в закрытых конструкторских бюро, где работали под надзором НКВД.

Последствия технократического мышления власти. На рубеже XIX–XX вв. общество захватили идеи технократизма: наука и техника стали рассматриваться в качестве ключевого условия развития общества. В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий и многие другие революционеры не просто интересовались науками, но даже писали статьи, затрагивавшие широкий диапазон научных знаний. Но эти веяния не коснулись правительства. Этому препятствовали как принцип комплектования правительственных кругов самодержавной России, так и ближайшее окружение царя.

Правительственные круги — это, главным образом, назначенные члены Государственного совета, министры, их заместители и директора департаментов, генерал-губернаторы и губернаторы. Так, среди назначенных членов Государственного совета ученые степени имели более трети, среди министров и товарищей министров и директоров департаментов — более двух пятых, среди сенаторов — около половины [12, с. 60]. Характеризуя состав Государственного совета, его выборный член и академик М.М. Ковалевский писал в 1914 г., что «бюрократические элементы» верхней палаты «по уму, талантливости, знанию и практическому опыту выигрывают от сравнения с общественными» [13, с. 91]. Для этой социальной группы были характерны свои идеалы и принципы. Главным принципом всегда было служение Отечеству.

Что касается ближайшего окружения царя, то это были, прежде всего, члены императорской фамилии (приблизительно 300 человек). Часть этой группы занимала государственные посты, часть возглавляла большое число научных, благотворительных и культурных об-

щественных организаций [14]. Для представителей этой группы было характерно гуманитарное мышление.

Структура первых составов большевистского правительства принятию технократических решений тоже не способствовала. В соответствии с Конституцией РСФСР 1918 г. экономикой занимались 2 наркомата из 18: Высший совет народного хозяйства и наркомат торговли и промышленности. В какой-то мере к ним можно добавить наркомат путей сообщения. К середине 1930-х гг. структура правительства принципиально не изменилась: из 17 наркоматов 4 относились к различным секторам промышленности. Более важной была структура Политбюро ЦК ВКП(б). Из 15 членов Политбюро пятеро занимались промышленностью. Но дело не в арифметическом подсчете. В то время во внутренней политике ключевой задачей была индустриализация.

Однако опасные масштабы технократизм приобрел на рубеже 1920–1930-х гг.

Мощь любого государства в то время ассоциировалась с уровнем промышленного развития. И партийно-государственное руководство СССР бросило все силы на создание промышленности. Эта задача вытеснила строительство социалистического общества на второе-третье место. Для большевиков с дооктябрьским стажем было ясно, что реальные политические процессы пошли не в том направлении, о котором они мечтали. Но И.В. Сталин и его окружение ради создания экономически мощной страны довели насилие над народом до максимума.

В 1937 г. СССР по общему объему промышленного производства занял 2-е место в мире, а его доля в мировом производстве выросла до 13,7 % (тогда как в 1913 г. Россия занимала 5-е место в мире, а ее доля в мировом производстве составляла 3,14 %). За счет развития промышленности удалось решить ключевую экономическую проблему страны — уменьшить зависимость от природно-климатических условий: в 1913 г. горожане составляли 20 %, а в 1939 г. их доля выросла до 31,9 %. Однако это были не те результаты, ради которых возникли марксизм, РСДРП, о чем мечтали большевики до 1917 г. Такими целями являлись социальная справедливость и народовластие.

Социально-политические и экономические итоги 1930-х гг. стали тяжелым примером развития без демократии.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Дергачева Е.А. Технократизм в глобализации техногенной общественной системы. *Современные проблемы науки и образования*, 2012, № 3. URL: <http://www.science-education.ru/103-6430>
- [2] Земченков Н.Ф. Инженерно-техническая деятельность как фактор развития человечества и общества: философско-правовой аспект. *Известия ЮФУ. Технические науки*, 2009, № 3, с. 61–64.

- [3] Милых А.Ю. Технократизм в российской политике. *Социальная политика и социология*, 2009, № 3, с. 206–217.
- [4] Миронов А.В. Ценности технократизма. *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Философия*, 2009, № 2, с. 5–12; и др.
- [5] Митин В.В. Трансформация организационной и научной деятельности РАН в 1917–1925 гг. *Метаморфозы истории*, 2013, № 4, с. 59–78.
- [6] Каганович Б.С. Начало трагедии. *Звезда*, 1994, № 12, с. 124–144.
- [7] Христофоров В.С. «Философский пароход». Высылка ученых и деятелей культуры из России в 1922 г. *Новая и новейшая история*, 2002, № 5, с. 126–170.
- [8] Артизов А.Н. «Очистим Россию надолго». К истории высылки интеллигенции в 1922 г. *Отечественные архивы*. 2003, № 1, с. 65–96.
- [9] *Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК–ГПУ. 1921–1923*. В.Г. Макаров, В.С. Христофоров, сост. Москва, 2005.
- [10] Красильников С.А. Шахтинский процесс 1928 г.: предварительное следствие в архивных документах. *Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология*, 2009, т. 8, № 1, с. 59–66.
- [11] Ушакова С.Н. Обращение ЦК ВКП(б) от 7 марта 1928 г. как политический пролог «Шахтинского дела». *Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология*, 2009, т. 8, № 1, с. 218–224.
- [12] Куликов С.В. Царская бюрократия и научное сообщество в начале XX в.: закономерности и типы отношений. *Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1912-х гг. Материалы международного научного colloquium*. Санкт-Петербург, Изд-во «Дм. Буланин», 2003, с. 60.
- [13] Ковалевский М.М. Воспоминания. *История СССР*, 1969, № 5, с. 91.
- [14] Василенко С.А. Императорская фамилия в России конца XIX — начала XX века: имущественное положение и общественная деятельность. Дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2007.

Статья поступила в редакцию 09.06.2014

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Земцов Б.Н. Советский технократизм в 1917–1930-е годы XX века. *Гуманитарный вестник*, 2014, вып. 3. URL: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/hum/histarch/187.html>

Земцов Борис Николаевич — д-р ист. наук, заведующий кафедрой истории МГТУ им. Н.Э. Баумана. Область научных интересов: история России XIX–XX вв. e-mail: zemtsovbn@mail.ru

The Soviet tehnokratizm in 1917 — 1930th

© B.N. Zemtsov

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia

The main objective of the article is to examine the attitude of Bolsheviks and the party and state leaders of the 1920–30s to technical sciences and its representatives. The research explored the reasons of establishing a technocratic approach to economy in the party and state environment. The findings of this research illustrate the importance of complex objective and subjective reasons, both of internal and external nature.

Keywords: *tehnokratizm, scientists and power, industrialization, political elite.*

REFERENCES

- [1] Dergacheva E.A. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniia - Modern problems of science and education*. 2012, no. 3. Available at: <http://www.science-education.ru/103-6430>
- [2] Zemchenkov N.F. *Izvestiia YuFU. Tekhnicheskie nauki — Proceedings of SFedU. Engineering sciences*. 2009, no. 3, pp. 61–64.
- [3] Milykh A.Yu. *Sotsial'naiia politika i sotsiologiia — Social Policy and Sociology*. 2009, no. 3, pp. 206–217.
- [4] Mironov A.V. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Filosofiiia — PFUR Bulletin. Ser. Philosophy*. 2009, no. 2, pp. 5–12.
- [5] Mitin V.V. *Metamorfozy istorii — Metamorphoses of History*, 2013, no. 4, pp. 59–78.
- [6] Kaganovich B.S. *Zvezda — The Star*, 1994, no. 12, pp. 124–144.
- [7] Khristoforov B.C. *Novaia i noveishaia istoriia — Modern and Contemporary History*, 2002, no. 5, pp. 126–170.
- [8] Artizov A.N. *Otechestvennyie arkhivy — Russian Archives*. 2003, no. 1, pp. 65–96.
- [9] Makarov V.G., Khristoforov V.S. *Vysylka vmesto rasstreli. Deportatsiia intelligentsii v dokumentakh VChK–GPU. 1921–1923*. [Expulsion instead of shooting. Deportation of intelligentsia in the documents of the Cheka-GPU. 1921–1923]. Moscow, 2005, 544 p.
- [10] Krasil'nikov S.A. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriia, filologii — Bulletin of NSU. Ser. History, Philology*. 2009, vol. 8, no. 1, pp. 59–66.
- [11] Ushakova S.N. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriia, filologii — Bulletin of NSU. Ser. History, Philology*. 2009, vol. 8, no. 1, pp. 218–224.
- [12] Kulikov S.V. *Tsarskaya biurokратиya i nauchnoe soobshchestvo v nachale XX v.: zakonomernosti i tipy otnosheniy*. [Tsarist bureaucracy and scientific community in the early twentieth century.: regularities and relationship types]. *Vlast' i nauka, uchenye i vlast': 1880-e — nachalo 1912-kh gg. Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma*. [Power and science, scientists and power: 1880 — early 1912's. Materials of international scientific colloquium]. St. Peterburg, «Dm. Bulanin» Publ., 2003, 60 p.

- [13] Kovalevskiy M.M. *Istoriya SSSR — The History of the USSR*, 1969, no. 5, pp. 91.
- [14] Vasilenko S.A. *Imperatorskaya familiya v Rossii kontsa XIX — nachala XX veka: imushchestvennoe polozhenie i obshchestvennaia deiatel'nost'*. *Dis. kand. ist. nauk.* [Russian imperial family in the late XIX — early XX century: the property status and social activities. PhD Diss.]. St. Peterburg, 2007.

Zemtsov B.N., Dr. Sci. (Hist.), Head of the History Department, Bauman Moscow State Technical University. Academic interests include the Russian history of the XIX–XX centuries. e-mail: zemtsovbn@mail.ru